

Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии*

Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) — личность хорошо знакомая российским славистам. Его биография и творческое наследие не раз становились объектом изучения¹, и в лишние представлениях он не нуждается. Однако для понимания контекста, в котором были созданы обозреваемые в данном исследовании тексты, на основе работ предшественников мы вкратце проследим его жизненный путь.

Кулаковский родился 26 июня (8 июля) 1848 г. в городке Поневеж Ковенской губернии (ныне — Паневежис в Литве) в семье образованного священника, настоятеля местной церкви и законоучителя в городской гимназии. В детстве будущий славист столкнулся с определенными трудностями — когда ему было 12 лет, отец скончался, а местную гимназию закрыли после польского восстания. Юного Платона перевели в Виленскую гимназию, которую он окончил в 1866 г. и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь его преподавателями стали московские славяноведы О.М. Бодянский, Н.А. Попов и А.Л. Дювернуа. Во время учебы он сблизился со славянофилами — И.С. Аксаковым, братьями Ю.Ф. и Н.Ф. Самаринскими. После университета Платон Андреевич работал во владимирской губернской гимназии, а затем — в 4-й московской учителем латинского языка и русской словесности.

В 1876 г. Кулаковский был командирован за границу для изучения славянских языков. Он посетил чешские земли, Люблян, Загреб. В том же году началось его многолетнее сотрудничество с издаваемой М.Н. Катковым консервативной газетой «Московские ведомости», в которой молодой славяновед выполнял роль

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

корреспондента в славянских землях. Его публикации в этой газете чаще всего не имели полной подписи, обычно под ними стояли К., П.К., К-ский, иногда – П.Д., N, Z, P. и т.д. В то же время нередко редактор урезал статьи Платона Андреевича, в первую очередь из соображений политической цензуры.

После того, как Сербия обрела независимость, ее руководство решило ввести изучение русского языка в ряде учебных заведений, однако собственных специалистов необходимого уровня не было. Глава московских славянофилов И.С. Аксаков и петербургский ученый В.И. Ламанский порекомендовали сербскому правительству Кулаковского. Тот согласился, и с ним был подписан контракт на три года. «Постараюсь в эти три года объездить Балканский полуостров и вообще всё славянство», — писал он в 1878 г. своему знакомому. Однако в итоге командировка продлилась четыре. В 1879 г. Кулаковский посетил и Болгарию, но поездка не привела к появлению очерков об этой стране. По крайней мере, нам их найти не удалось. О Сербии же в катковском журнале «Русский вестник» Платон Андреевич опубликовал ряд статей весьма критического характера. Еще менее сдержан он был в своем дневнике и в письмах. Эти исторические источники были частично опубликованы в двух томах антологии «Русские о Сербии и сербах» и изучены А.Л. Шемякиным².

После командировки, с 1884 г., Кулаковский стал преподавать в Варшавском университете, в котором работал до переезда в Петербург в 1902 г. В 1893 г. он отправился в командировку в Загреб, а в следующем году уже защитил докторскую диссертацию «Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения». В 1895 г. книга была удостоена премии Российской академии наук имени А.А. Котляревского. В годы работы в Варшаве Платон Андреевич стал редактором газеты «Варшавский дневник» и на ее страницах отстаивал свой взгляд на славянство. «Вся история славянства, — утверждал он, — со времени начала его возрождения свидетельствует, что интересы и пользы России и русского народа — в то же время интересы и пользы всего славянства, и всё, что вредно для России, что умаляет ее силы и оскорбляет ее достоинство, вредно и губительно для славянства». Однако, отметим, в своей научной

деятельности он старался избегать влияния политических воззрений. Как отмечал его знакомый, «в Кулаковском жило два человека; один — объективный ученый, беспристрастно вскрывающий прошлое, другой — практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом»³. И это хорошо прослеживается в его статьях в прессе.

В 1899 г. Кулаковский совершил второй визит в Болгарию и изложил свои впечатления на страницах катковских «Московских ведомостей» в 11 статьях, вышедших в ноябре–декабре того же года. Хотя между его впечатлениями от Сербии и от Болгарии пролегло порядка 20 лет, сравнения возникают сразу же, причем и у самого автора, нередко прибегающего к этому приему. Поэтому и мы будем нередко обращаться к исторической компаративистике, тем не менее, не забывая двух важных фактов. Сравнить в первую очередь нужно публикации, ведь дневник и письма Кулаковский писал не для разглашения, не скрашивая или не выпячивая там определенных моментов. Во-вторых, Сербию Платон Андреевич сумел подробно изучить. О Болгарии же такого сказать нельзя, что признавал и он сам: «Было бы слишком смело с моей стороны брать на себя обязанность дать подробный отчет о внутреннем положении Болгарии; самая короткость моей поездки, считающейся лишь неделями, не давала мне возможности глубоко заглянуть в сущность положения, как это было нужно»⁴.

Тем не менее, его замечания интересны и подтверждаются другими русскими очевидцами. Благо, после отставки С. Стамболова и взятого Болгарией курса на нормализацию отношений с Россией русские стали активно посещать страну и развёрнуто рассказывать о своих впечатлениях. Через пару лет после Кулаковского там побывал А.В. Амфитеатров, в том же году — А.А. Башмаков.

Первое, что бросилось в глаза Кулаковскому по приезду, — это произошедшие за 20 лет перемены в городском пейзаже. В 1879 г. «всюду были видны явные следы турецкого господства», а София делилась на две части — кварталы новых построек и «грязную, турецкую» половину города. Спустя же два десятилетия столицу было «не узнать»: «Это теперь благоустроенный, совершенно но-

вый город. Лишь кое-где сохранились старые развалины, но эти развалины — исторические, дорогие как свидетели дославянской эры». Признавая недостатки, Платон Андреевич оправдывал их ростом города и прогнозировал, что всё будет исправлено: «Улицы широкие, правда, не мощенные, но отлично шоссированные. Пока освещение города по ночам дурно, но уже окончательно заключен контракт об электрическом освещении Софии. Как в новом городе — много еще пустых мест для будущих построек»⁵. Он, однако, как многие, на контрасте с виденным ранее не замечал всех деталей картины. Лишь отдельные, впервые посещавшие Балканы, русские очевидцы, отмечали, что город остается разделенным на его показную европейскую часть и на не обустроенное наследство прошлого⁶. Ошибся Кулаковский еще в одном — увидев, сколь много места для будущих построек, он, тем не менее, предрек, что театр появится нескоро⁷. Однако вопрос о строительстве театра в Софии стал решаться уже в 1903 г., и через четыре года состоялось торжественное открытие здания Народного театра.

Приятно удивили русского профессора и «громадные успехи», которых, по его словам, достигла в стране грамотность. Он заметил, что народные школы развиваются, некоторые гимназии уже насчитывают по тысяче учеников. Причиной тому он считал то, что «болгарский народ любознателен» и «болгары стремятся к образованию»⁸. Отметим здесь полную правоту Кулаковского. Не только все русские очевидцы указывали на идущий из народа, а не навязываемый правительством запрос на образование, но и сами образование и уровень грамотности являлись для болгар предметом гордости и воспринимались как локомотивы будущего развития страны⁹.

Изменилась и сама страна. «Рост и развитие Болгарии бросаются в глаза и велики, особенно если сравнить впечатления 1879 и 1899 годов. Болгария, несомненно, выросла, народ развился, поднялся, интеллигенции стало больше, и она стала просвещеннее», — писал Платон Андреевич. Объяснение этому он видел в благодатной природе и чертах народа: «Вдобавок болгары — народ рабочий, расчетливый, скопидом до сухости, не экспансивный и не увлекающийся, быть может, во вред себе строго

рационалистический»¹⁰. Эти же черты — трудолюбие, расчетливость и скупость — отмечали у болгар многие русские путешественники. Так же, как и Кулаковский, их, вместе с природой, залогом успеха называл и генерал П.Д. Паренсов¹¹. Но довольно редко выделяли трудолюбие у соседей-сербов. Не называл его и Платон Андреевич, отмечая у сербов следующие черты: «крайнюю бережливость», лукавство и упрямство, склонность к розни (в первую очередь, политической), индифферентность к религии. Относительно последнего он объяснял: «Вера православная прежде всего ценится лишь потому, что она сербская»¹².

Нечто похожее он наблюдал и у болгар. В 1899 г. Платон Андреевич писал, что «господство фанариотов» притупило живость религиозных чувств, и вопрос религии стал рассматриваться лишь как вопрос национальности, но в Болгарии на проявление религиозных чувств «нельзя было без умиления смотреть». По его словам, в Софии после освобождения возобновлялось богослужение в полуразрушенных церквях¹³. Клир, в отличие от сербского¹⁴, также удостаивался похвал, в первую, видимо, очередь, за то, что многие его представители учились в России и служили по русскому чину. Отмечал Кулаковский и народность православных обрядов — на Успение в Рильском монастыре на раку св. Иоанна женщины клали не деньги, а полотенца. «У болгар еще живы многие традиции стародавних времен, и болгарские нигилисты и социалисты, которых в изобилии создало полуобразование, не смогли еще их разрушить», — считал он. «Вообще у болгар, несмотря на постоянно растущую пропаганду безверия и индифферентизма, всюду заметно более религиозности, чем у сербов», — заявлял Платон Андреевич¹⁵.

Заметим, что всё, конечно, познается в сравнении, но считать болгар религиозным народом сложно. Как говорил один из них другому русскому путешественнику: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он — сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...»¹⁶. «Болгары прозаичны, и будущее за пределами земли их мало занимает.

У них на земле дела много. Они религиозны-то больше формально, чем по существу; этого не отрицал в беседе со мною сам митрополит Климент», — свидетельствовал другой русский очевидец¹⁷. При этом, как не единожды было признано в историографии, болгары после того, как церковный вопрос перестал иметь политическое звучание, утратили интерес к церкви, что вдобавок наслонилось на общеевропейский спад религиозности¹⁸. Другой вопрос — соблюдение обрядов, которое Кулаковский мог принять за религиозность. Их сохранность в архаичном виде поразила прибывших в страну первых советских этнографов в 1947 г. Они заключили, что в быту болгарской деревни сохранились «многие архаичные черты славянской культуры, бытовавшие в области восточного славянства в IX–XI вв.»¹⁹.

Почти идентичными у Кулаковского предстают болгары и сербы в политическом ракурсе. Во-первых, в том, что касается монарха. «Власть в лице Милана (короля Милана Обреновича. — *Н. Г.*) решила отказаться от исторических традиций и поступить на службу Австрии», — писал он о Сербии в 1883 г.²⁰. В 1899 г. Платон Андреевич выделил целую статью под цитаты из местных газет, где рассказывалось о преданности болгарского князя Фердинанда Вене²¹. Через статью он вернулся к этой теме, подробно повествуя о том, что князь в угоду австрийцам отдал строительство железной дороги до Бургаса фирме Гирша, номинально французской, но за которой в действительности стоял австро-венгерский капитал²². Здесь аналогии с упорством короля Милана по подписанию договора о строительстве железной дороги с фирмой Э. Бонту столь очевидны, что болгарские события выглядят как дежавю.

Самого Фердинанда Кулаковский называл «наехавшим на княжение европейским принцем», не сумевшим снискать «даже популярности и уважения в народной массе», чем и объяснял его ожесточенную критику в прессе. Однако российский славист признавал, что для складывания династического чувства нужно долгое время, как, впрочем, и следование интересам страны. Тем не менее, несмотря на все действия Фердинанда, народ сохранял свою смиренность, поскольку это являлось также его чертой, ведь «он даже слишком приучен долговременным рабством

к пассивной покорности»²³. Может быть, этим Платон Андреевич и объяснял длительность нахождения у власти уже покойного С. Стамболова. Того, по словам публициста, все ненавидели, и он нашел лишь одного болгарина, защищавшего бывшего полудержавного властелина²⁴, в то время как в городских садах ставили спектакли про убийство бывшего премьера²⁵. В этом Платон Андреевич сходил с А.В. Амфитеатровым. Тот транслировал мнение анонимного (или выдуманного) дипломата о Болгарии: «Она еще не успела отвыкнуть от турецкого наследия, авторитета кулака и палки». И также говорил о ненависти, проявляемой к Стамболову²⁶. Оплевывание свергнутого кумира столь присуще человеческой натуре, что, возможно, действительно в Болгарии конца 1890-х годов проявлялись подобные настроения, особенно при разговоре с русскими.

Определенным сходством в описании Кулаковского обладали не только болгарский и сербский институты монархии, но и институты демократии. Стремление расставить на всех постах своих сторонников, резкий партийный антагонизм и пренебрежение законом («Правительство нарушает законы явно и смело, лишь бы достичь цели») — это выделенные Платоном Андреевичем особенности сербской политики²⁷. Первое в Болгарии им было также отмечено — в селах, где действующее правительство потерпело поражение на выборах, оно назначало новых учителей в школы²⁸. Партийный антагонизм же приобретал иные формы. Газет издавалась «целая туча». Если в городке было два зажиточных сторонника различных партий, то и газет было две, в Софии же их насчитывался десяток. Но они являлись однодневками, «эфмеридами», ведь партийная борьба велась не за симпатии избирателей: «Партии в Болгарии носят чаще всего имена своих вождей, выдвинутых или историческим прошлым, или дарованиями, или просто случайно. Все эти лица или были, или будут министрами-президентами различных кабинетов, когда будет угодно князю призвать их ко власти». А потому и можно было пренебрегать мнением народа, лишь обеспечивая нужный результат. Так, по словам Кулаковского, за манеру проведения выборов членов Либеральной партии В. Радославова в народе именовали «палочниками»²⁹. Однако не одни либералы прибегали к подоб-

ным приемам, ими пользовались все, оказавшиеся у власти. «Под видом свободных форм царствует на выборах полицейская палка», — писал тогда же посетивший Болгарию А. А. Башмаков³⁰. Он с еще большим негодованием рассуждал о разжигании межпартийных страстей, назначении на все должности своих сторонников и заявлял, что «при громадной внутренней некультурности и жестоких, отчасти зверских нравах» демократические свободы выродились в карикатуру³¹. Подтверждают уровень политической культуры вековой давности и современные болгарские историки. Так, академик И. Илчев утверждает, что искренние и нанятые сторонники правящей той или иной партии на митингах осыпали противников камнями, на выборах рвали бюллетени, «нередко использовали деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестели примкнутые штыки»³².

Вдобавок, по словам Кулаковского, большую проблему составляло то, что «и министерства, и их члены в Болгарии меняются очень скоро»³³, или, как выразился другой русский очевидец, «точно в волшебном фонаре»³⁴. Скорость и непредсказуемость этого процесса (или краткосрочный горизонт планирования, как выразились бы сейчас), по мнению Кулаковского, привели к тому, что каждое правительство старается выжать из народа последние соки и украсть как можно больше. Находившееся у власти на момент визита правительство Д. Грекова публицист назвал «министерством наживы и гешефта». Он проиллюстрировал это выделением дополнительных средств недобросовестному подрядчику, строившему дорогу София — Плевен и теперь требовавшему новых денег на ремонт обрушившегося туннеля³⁵. При этом, по словам Кулаковского, коррупция и воровство ни для кого не представляли секрета, «хищение и личная нажива, особенно ярко отличившие период стамбуловщины, стали, так сказать, в порядке вещей»³⁶. «Ведь слово “министр” давно уже сделалось в злополучном княжестве почти что синонимом “казнокрада”», — подтверждал А. В. Амфитеатров³⁷. Он же указывал и на «распущенность в печати», политиканство и назначение своих сторонников на все должности вплоть до сельских учителей³⁸.

И здесь Платону Андреевичу сложно возразить по сути, можно лишь спорить об истоках этой специфики политической системы.

Некоторые современные историки считают, что Стамболов действительно задал паттерн всей политической системы³⁹. Но подчеркнем, что и семя сорняка не прорастет на неплодородной почве. Факт остается фактом. «Сложившаяся обстановка порождала чисто утилитарное отношение к власти — главным считалось приблизиться к ней, получить (и получать!) от этого привилегии. Мало кто реально заботился о нуждах государства», — писала об этом периоде отечественный историк Р.П. Гришина⁴⁰.

Как видим, несмотря на наличие общих черт, политическая борьба в Болгарии и Сербии в освещении Кулаковского отличалась принципиально — целью завоевания власти. В Болгарии ею являлось обогащение, в Сербии политиками двигало представление об исключительно единственном верном пути развития страны. Естественно, это очень сильное упрощение картины, в действительности оба мотива в балканских странах в разное время сочетались в разных пропорциях. Но подобному впечатлению Кулаковского есть объяснение — он видел реальные действия сторон: в Болгарии в отличие от Сербии никто не уничтожал своих политических соперников, понимая правила игры. Причина тому — разное влияние демократических и монархических институтов на принятие решений, но это повод для отдельного исследования.

Однако был вопрос, который действительно волновал всех болгар и объединял все партии, вопрос «самый важный и самый опасный» — македонский. Ему Платон Андреевич уделил две заключительные статьи в своем цикле. В первой он рассказал об истории проблемы. В его изложении, до конца 1860-х годов Македония «оставалась бесспорно болгарской по населению», лишь с появлением болгарского экзархата «начались и заботы сербов о сербизме в Македонии». После же русско-турецкой войны 1877–1878 гг. этот процесс приобрел больший масштаб: «Сербские историки и патриоты стали толковать об “исторических правах” Сербии на Македонию; этнографы и народники доказывали и доказывают исконный сербизм ее населения, филологи всячески стараются правдами и неправдами убедить, что по языку македонцы — чистые сербы, и политики, не стеснясь, заявляют, что для спасения и сохранения Сербского королевства

ему нужен выход в Эгейское море, нужна Солунь»⁴¹. Названный процесс Кулаковский наблюдал воочию еще в свою бытность в Белграде, и тогда это так же вызывало его возмущение⁴², поскольку как в начале 80-х, так и в конце 90-х годов XIX в. он был убежден, что македонцев следует считать частью болгарского народа⁴³. По словам автора, болгары сочувствовали македонцам и их борьбе, но не более. Македонцы же вели освободительную войну, не считаясь с потерями. «Лучше пусть погибнут сразу тысячи, чем как теперь ежегодно гибнут сотни бесполезно для общего дела», — передавал их слова Кулаковский⁴⁴.

Тем временем в самом регионе разворачивалась пропаганда, в том числе и католическая — помимо церквей возникали школы с пансионом. Платон Андреевич сокрушался, что в этом не участвует Россия, но объяснял это тем, что ее представители ищут лишь наживы, которой, естественно, в таком деле не было. Однако не греков, австрийцев или турок опасались болгары — их беспокоила сербская пропаганда, осуществлявшаяся по церковной линии. В качестве примера успеха такого воздействия Кулаковский привел церковную ситуацию в Куманове, где жители города разделились на два лагеря. Автор выражал сожаление к участи региона и его жителей — албанцы чинят разбой, турки выжимают последние соки, австрийцы готовятся оккупировать, болгары и сербы враждуют, и при благодатных природных условиях народ нищ. «Право, несчастная страна Македония!» — восклицал Кулаковский⁴⁵.

В македонском вопросе Платон Андреевич, пожалуй, был точен. Регион раздирала церковная борьба, а большинство очевидцев считали местное население болгарским⁴⁶. К самому этому вопросу обращались в тот момент и видевшие воочию регион А.А. Башмаков, Н.Р. Овсянный, П.Н. Милюков, чьи статьи на данную тему вышли в то же время. Названные авторы также признавали местное население болгарским⁴⁷. Однако в этот период сербская пропаганда уже не считала всех жителей Македонии сербами. Вышедшая в том же году в русском переводе книга сербского публициста С. Гопчевича⁴⁸ отражала устаревшую точку зрения (ту, с которой Кулаковский столкнулся на рубеже 1870–1880-х годов), а в конце XIX в., благодаря усилиям дипло-

мата и ученого С. Новаковича, ставка была сделана на выходцев из региона, настаивавших на этнической самобытности Македонии. Впрочем, от этой стратегии вскоре отказались⁴⁹.

Кулаковский передавал слова болгар, что для решения этого вопроса хватит «авторитетного голоса старшего»⁵⁰. Сам он, безусловно, видел в болгарях более верных союзников, нежели в сербах. В первую очередь он отмечал это в культурном влиянии России. «В болгарской интеллигенции вообще незаметно того страха перед влиянием русской культуры, науки и литературы, который особенно оттенялся в последние десятилетия у сербов», — писал он. Объяснял это Платон Андреевич тем, что последние считали свою культуру достаточно великой и самодостаточной. Причины же влияния русской культуры в Болгарии он видел в том, что «началом новой своей литературы болгары обязаны русскому церковно-славянскому языку и русской школе». А потому в кофейнях и гостиницах выписывали русские газеты, в библиотеках читали русские журналы, и в самых малых городах Кулаковский видел «Ниву». В итоге, как он утверждал, «ныне в Болгарии можно всюду обойтись без умения говорить по-болгарски — с одним русским языком»⁵¹. Считал более верными союзниками болгар он и в силу симпатий народа. Ему в деревнях говорили, что для страны лучше и проще было бы стать русской провинцией. Однако Кулаковский отнюдь не жаждал этого. Он подозревал, что придется воплощать чужие национальные идеалы, «да еще слышать недовольство». «Довольно и того благоденствия, что Россия освободила Болгарию: к чему взваливать на Россию еще новые трудные задачи»⁵²...

Статьи Платона Андреевича вышли в предпоследнем году календарного XIX века. Уходило столетие, но не уходили балканские, и болгарские в частности, проблемы, столь верно подмеченные Кулаковским. Уже через несколько лет в Болгарии разразится скандал из-за злоупотреблений при закупке вооружений, и военный министр, хоть и уйдет в отставку, но позднее станет помощником главнокомандующего, а десятилетия спустя русским эмигрантам крестьяне будут рассказывать, сколько и на чем украли сельские кметы⁵³. Это говорит о сохранении нравов политического истеблишмента. Через полтора десятка лет после

визита Кулаковского будет сделана попытка решить македонский вопрос, но для болгар он не решен и сегодня.

Кулаковский любил славянство. Ругая сербов, он жалел их, хваля болгар, переживал по поводу доставшихся им правителей, но оставался в первую очередь русским националистом. В том смысле, в котором в студенческие годы Кулаковского прозвучала со страниц газет чеканная формула: «Русские интересы приносить в жертву славянским? — вопрошал автор статьи в газете «Вести», полемизируя с панславистами. — Нет, и тысячу раз нет! Россия — для русских!»⁵⁴. Аналогичным образом Платон Андреевич ставил во главу угла интересы России, донося до читателей неприкрытую правду о балканских народах.

Примечания

- ¹ *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986; *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи. 70–80-е годы XIX в. М., 1989; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Москва — Србија, Београд — Русија : документи и материјали. Т. 3: Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. (Москва — Србија, Београд — Россия: сборник документов и материалов. Т. 3: Обществено-политические и культурные связи 1878–1917 гг.) / *приређивачи, составители А.Л. Шемякин ... [и др.].* Београд, 2012; *Котов А.Э.* «Акрит» русской публицистики: П.А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // *Славистика.* Вып. XVII (2013); *Шемякин А.Л.* Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // *Родина.* 2013. № 12; *Гусев Н.С.* Объективный ученый-славист, боевой публицист-консерватор проф. П.А. Кулаковский // *Материалы для виртуального Музея Славянских Культур.* Выпуск 1. Сб. науч. статей / сост., отв. ред. И.И. Калиганов. М., 2020.
- ² Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин. М., 2014; *Шемякин А.Л.* Московский профессор...
- ³ *Данченко С.И.* К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улунына:* Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М., 2014. С. 176.
- ⁴ Московские ведомости. 1899. № 336.
- ⁵ Там же. № 320.
- ⁶ *Гусев Н.С.* Русские очевидцы рубежа XIX–XX вв. о европеизации и развитии Софии // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2019. № 3–4. С. 27–33.
- ⁷ Московские ведомости. 1899. № 320.
- ⁸ Там же.

- 9 Об этом см.: *Гусев Н.С.* Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX — первой половине XX вв.) // *Взгляд на славянскую аксиологию* / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019.
- 10 *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- 11 *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. СПб., 1908. С. 449.
- 12 *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1... С. 274–275.
- 13 *Московские ведомости.* 1899. № 308.
- 14 *Кулаковский П.А.* Дневник // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II... С. 90–91.
- 15 *Московские ведомости.* 1899. № 308.
- 16 *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 78–79.
- 17 *Амфитеатров А.В.* Недавние люди. СПб., 1901. С. 134.
- 18 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016. С. 47.
- 19 *Кудрявцев А.А., Гусев Н.С.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии // *Славянский альманах.* 2020. № 3-4. С. 505.
- 20 *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы... С. 270.
- 21 *Московские ведомости.* 1899. № 329.
- 22 Там же. № 338.
- 23 Там же. № 325.
- 24 Там же. № 311.
- 25 Там же. № 320.
- 26 *Амфитеатров А.В.* Недавние люди... С. 34, 101.
- 27 *Шемякин А.Л.* Московский профессор... С. 50–51.
- 28 *Московские ведомости.* 1899. № 338.
- 29 Там же. № 327.
- 30 *Башмаков А.А.* Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 310.
- 31 Там же. С. 76.
- 32 *Илчев И.* Междено време. София, 2005. С. 279.
- 33 *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- 34 *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 82–83.
- 35 *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- 36 Там же. № 320.
- 37 *Амфитеатров А.В.* Балканские впечатления. Страна раздора. СПб., 1903. С. 217.
- 38 Он же. Недавние люди... С. 133–147.
- 39 См., напр.: *Миколенко Д.В.* Страсті за Стамболовим: болгарське державотворення у 1895–1920 роках. Харків, 2017.
- 40 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг... С. 33.
- 41 *Московские ведомости.* 1899. № 343.

- 42 *Шемякин А.Л.* Московский профессор... С. 50.
- 43 Там же.
- 44 Московские ведомости. 1899. № 343.
- 45 Там же. № 345.
- 46 См., напр.: *Гусев Н.С.* Борьба христианских религиозных институтов в Македонии глазами русских очевидцев (конец XIX — начало XX в.) // Религиозни институции и национална идентичност на Балканите. София, 2021 (в печати).
- 47 *Бурбига В.А.* Македонське питання в російському слов'язознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харків, 1997. С. 14.
- 48 *Голчевич С.* Старая Сербия и Македония. СПб., 1899.
- 49 *Лобаури Д.О.* Идеология македонизма в 1886–1903 годах // Славяноведение. 2005. № 3. С. 26–28.
- 50 Московские ведомости. 1899. № 345.
- 51 Там же. № 316. Отметим, что и эти слова П.А. Кулаковского в полной мере подтверждаются статьями А.В. Амфитеатрова (*Амфитеатров А.В.* Недавние люди... С. 101–106).
- 52 Московские ведомости. 1899. № 325.
- 53 *Гусев Н.С.* Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2 (в печати).
- 54 *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 26.